

**ЖЕКЕ ТҮЛҒАЛАР
ПЕРСОНАЛИИ
PERSONALITY**

94 (574) «1869/73»:32 (092)
ГРНТИ 03.01.09

<https://doi.org/10.51889/2022-1.1728-5461.23>

Калиева Е.Т.^{1}*

*¹к.и.н., ассоциированный профессор кафедры Всемирной истории
КазНПУ им. Абая, Республика Казахстан, г. Алматы*

E-mail: eleuhan@mail.ru

**СУЛТАНЫ Т. СЕЙДАЛИН И Ш. БУКЕЕВ: ДВА РАЗНЫХ ВЗГЛЯДА
НА ВОССТАНИЕ 1869 ГОДА**

Аннотация

Настоящее исследование посвящено изучению деятельности султанов в контексте взаимодействия региональных властных структур и местных национальных элит по вопросам восстания 1869 г. в Уральской, Тургайской областях Оренбургского края. Центральной проблемой, исследуемой в статье, выступает поведение казахских султанов Т.Сейдалина и Ш. Бокеева во время этих протестных движений. На широком эмпирическом материале рассмотрены противоречия между султанами в казахском обществе: в этот период сформировались два разных слоя: одни из них – сторонники необходимости модернизации для развития общества по пути прогресса (здесь через российскую систему власти), другие – представители группы, которые были против российских внедрений, рассматривают все «новшества» как угрозу традиционному казахскому обществу и национальной идентичности.

Ниже упоминаемые факты дополняют историю чиновников, вышедших из казахских султанов XIX века, свидетельствуют о преемственности освободительного движения казахского народа против колониальной политики Российской империи. Через призму «антропология власти» проанализирована деятельность первых казахских султанов просветителей. В статье автор продемонстрировала возможности новой имперской истории в изучении постколониального прошлого, что также выступает причиной внимания к постколониальному подходу со стороны постсоветских исследователей.

Ключевые слова: восстание, протестное движение, Российская империя, постколониальный дискурс, колонизация, фронтиры, постколониальные исследования, кооптация, инкорпорация.

Қалиева Е. Т.¹

*¹т. ғ. к., Әлем тарихы кафедрасының қауымдастырылған профессоры
Абай атындағы ҚазҰПУ. Қазақстан Республикасы, Алматы қ.*

E-mail: eleuhan@mail.ru

**СУЛТАНДАР Т. СЕЙДАЛИН МЕН Ш. БӨКЕЕВ: 1869 ЖЫЛҒЫ КӨТЕРІЛІСКЕ
ЕКІ ТҮРЛІ КӨЗҚАРАС**

Аңдатпа

Осы зерттеу Орынбор өлкесіне қатысты Орал, Торғай облыстарындағы 1869 жылғы көтеріліс мәселелері бойынша жергілікті билік құрылымдары мен ұлттық элиталардың өзара іс-қимылы тұрғысынан сұлтандардың қызметін зерделеуге арналған. Мақалада зерттелетін басты мәселе-қазақ сұлтандары Т.Сейдалин мен Ш. Бөкеевтің осы наразылық қозғалыстары кезіндегі іс-қимыл әрекеттері. Кең эмпирикалық материалда қазақ қоғамындағы сұлтандар арасындағы қарама-қайшылықтар қарастырылды: осы кезеңде екі түрлі топ қалыптасты: олардың бірі – прогресс жолында қоғамның дамуы үшін жаңғырту қажеттілігін жақтаушылар (мұнда ресейлік билік жүйесі арқылы), басқалары – ресейлік енгізулерге қарсы болған топ өкілдері барлық "жаңалықтарды" дәстүрлі қазақ қоғамы мен ұлттық бірегейлікке қауіп ретінде қарастырады.

Төменде келтірілген фактілер XIX ғасырдағы қазақ сұлтандарынан шыққан шенеуніктердің тарихын толықтырады, қазақ халқының Ресей империясының отаршылдық саясатына қарсы азаттық

қозғалысының сабақтастығын көрсетеді. «Билік антропологиясы» призмасы арқылы ағартушылардың алғашқы қазақ сұлтандарының қызметі талданды. Мақалада автор жаңа империялық тарихтың постколониалды өткенді зерттеудегі мүмкіндіктерін көрсетті, бұл посткеңестік зерттеушілердің постколониалды көзқарасына назар аударады.

Түйінді сөздер: көтеріліс, наразылық қозғалысы, Ресей империясы, отарлаудан кейінгі дискурс, отарлау, фронттар, отарлаудан кейінгі зерттеулер, кооперация, инкорпорация.

Kalievа E.T.¹

*¹Ph.D., Associate Professor of the Department of World History
KazNPU them. Abay, Republic of Kazakhstan, Almaty
E-mail: eleuhan@mail.ru*

SULTANS T. SEIDALIN AND SH. BUKEEV: TWO DIFFERENT VIEWS IN THE UPRISING OF 1869

Annotation

The present study deals with the activities of the sultans in the context of the interaction between regional authorities and local national elites on issues uprising 1869 in the Ural, Turgay areas of the Orenburg region. The central problem investigated in the article is the behavior of the Kazakh sultans T. Seidalin and Sh. Bokeev during these protest movements. Based on a broad empirical material, the contradictions between the sultans in Kazakh society are considered: during this period, two different layers were formed: one of them-supporters of the need for modernization for the development of society along the path of progress (here through the Russian system of power), the other-representatives of the group who were against Russian implementations, consider all "innovations" as a threat to traditional Kazakh society and national identity.

The following facts supplement the history of officials who came out of the Kazakh sultans of the XIX century, and indicate the continuity of the liberation movement of the Kazakh people against the colonial policy of the Russian Empire. Through the prism of "the anthropology of power", the activity of the first Kazakh sultans of enlightenment is analyzed. In the article, the author demonstrated the possibilities of the new imperial history in the study of the post-colonial past, which also causes attention to the post-colonial approach on the part of post-German researchers.

Keywords: the uprising, protest movement, Russian Empire, postcolonial discourse, colonization, frontiers, postcolonial studies, co-optation, incorporation.

Введение. Современный Казахстан является частью постсоветского колониального пространства и для построения национального государства безусловно нужен процесс деколонизации, переосмысливание колониального прошлого. Способна ли казахстанская наука объяснить текущее постколониальное состояние? Нужен анализ культурного наследия колониализма, **отказ от прежних тенденциозных подходов.** Постколониальные исследования, постмодернизм вот в таком ракурсе должна двигаться историческая наука в целом, в частности отдельные исследования историков. Особое внимание следует уделить изучению «постколониального подхода» или «новой имперской истории», фронтального дискурса, методологическому потенциалу постколониальной парадигмы.

Автор ряда работ по постколониализму **Г.Ч. Спивак подчеркивал «силу стереотипов», порожденные колониализмом стереотипы настолько впитались, что современные студенты не всегда способны различить факты фальсификаций, подмен, пропаганды, дискриминации.** Это отголоски того самого колониального проекта в производстве и тиражировании колониальных по своей сути представлений [1].

Мы должны уделить особое внимание изучению языковых знаков (терминов), потому что через устную/письменную речь получаем доступ к пониманию, восприятию реальности нынешнего состояния исторической науки. Ведь язык точно отражает политическую, культурную, экономическую и др. конструкции, используемые в данный период.

Как историческая наука подвержена колониальному стереотипу можно проследить на примере использования исторической терминологии и др. концептуальных понятий. Речь в данном контексте

идет о правильном применении исторической терминологии. Например, термин «интеграция» применяется исследователями тогда, когда утверждается положение «об усилении интеграции системы управления Степного края в единое имперское пространство». На сегодняшний день историками активно используется понятие «административно-политической интеграции» казахского населения в состав Российской империи в XIX в. При применении термина «интеграция» в таком контексте, уместно было говорить о «принудительной интеграции» населения казахской степи. Вот яркий пример, как колониальное наследие **влияет на нашу действительность**. Стоит принять во внимание, что это корректнее назвать не постепенной интеграцией, а системной колонизацией Казахстана, с целью лишения казахов государственной независимости. Хотя эти авторы для справедливости утверждают «процессы интеграции казахской степи понимались учеными по-разному: как «присоединение», как «колонизация», как «освоение» и т.д. При любом толковании термина интеграция - это не только путь приобретений, но и путь потерь» [2]. Если подойти к проблеме с точки зрения «пути потерь», тогда только дополнение словом «принудительная» будет раскрывать суть проблемы, характер присоединения казахских земель к Российской империи.

На том, что понятие «интеграция» использовано не совсем обычным способом, терминологические трудности не заканчиваются. Немалые проблемы в определении его смысла обусловлены многозначностью трактовок «присоединения Казахстана к России», ведь оттого, что подразумевается под «присоединением» или просто «интеграцией», напрямую зависит и понимание прошлого.

Российский исследователь Р.Ю. Почекаев [3] рассматривает все царские преобразования в Казахской степи в контексте фронтальной модернизации. При этом такие преобразования имперских властей трактуются как некая целостная политическая линия, направленная на последовательную «интеграцию» казахов в имперское политико-правовое пространство посредством фронтальной модернизации (Д. В. Васильев, Г. Б. Избасарова, П. Сартори и П. Шаблей и др.). Анализ политики фронтальной модернизации через характеристику действий и взаимодействий ее основных участников отражает современные тенденции в изучении истории Российской империи и все мероприятия имперских властей в них осуществлявшихся реформ, путем исследования роли конкретных государственных деятелей, администраторов и пр. (т.н. «антропология власти»).

Ведь не зря на англоязычных текстах термин «принудительная интеграция» применяется наряду со словосочетанием «насильственная ассимиляция» [4]. Наблюдается тенденция формирования соответствующих новых категориальных аппаратов, используемых при исследовании событий, личности и оценке. Каким был результат кооптации, инкорпорации [5], приведшие казахов на правовую площадку Российской империи? Ответ на этот вопрос остается открытым.

Материалы и методы. Предметом исследования являются мероприятия Российской империи по осуществлению изменения административно-политического управления казахов на территории Уральской, Тургайской областей Оренбургского генерал-губернаторства.

В XIX веке отмена традиционной ханской власти в Младшем жузе и распространение российского колониализма привели к вовлечению султанов в службу Российской империи. Несмотря на то, что султаны служили царской власти, они очевидно, стремились облегчить бедственное положение казахов, используя эту власть. Среди них были потомки многих влиятельных султанов Младшего жуза Тлеумухамед Сейдалин и Шангерей Букеев.

В настоящее время на определенном уровне необходимо продолжить изучение деятельности ханов и султанов, применение постколониальной теории в анализе даст новый толчок к данной проблеме. К сожалению, на сегодняшний день на грантовой основе выделяются государственные средства на специальные исследования, но в качестве результатов их деятельности редко пишутся научные монографии. В большинстве случаев исследования в этом направлении ограничены сборниками документов.

В связи с этим мы в нашей исследовательской теме поставили цель проанализировать деятельность султанов в контексте взаимодействия региональных властных структур и местных правителей по вопросам колонизации края. Ниже упоминаемые факты дополняют историю чиновников, вышедших из казахских султанов XIX века, свидетельствуют о преемственности освободительного движения народа против колониальной политики Российской империи через деятельность первых казахских султанов просветителей.

Целью данной работы является анализ хода реформ в политике российской администрации на территории Оренбургского генерал-губернатора в 1868-1869 годах, вовлечения автохтонного населения в российскую систему государственного управления в Казахстане.

В статье также были использованы метод дискурс-анализа, сравнительно-исторические, проблемно-хронологические, описательные методы.

Обсуждение: В казахстанской историографии поднимается вопрос трансформации в социальной структуре казахского общества, преобразований в бывшем институте султанского управления, первых казахских чиновников и первой казахской интеллигенции появившихся в результате управленческих реформ Российской империи во второй половине XIX в. Поэтому в этой статье мы решили отдельно остановиться на именах, ставших известными в период противостояния против реформ административного управления в Оренбургском крае в 1869 году.

В исследовании о первых казахских чиновниках в региональной администрации внесли свою лепту следующие авторы. Специалист по дореволюционной истории Казахстана Ж.К. Касымбаев в своих исследованиях, опубликованных в 1999-2001 годах одним из первых стал изучать историю казахских ханов, знаменитых султанов, генералов. Его книги были опубликованы в серии «Государственные деятели Казахского ханства». Труды в научно-публицистическом жанре о ханах Абулхаире и Абылае, Барак султаны, Нуралы, Ералы, Есим ханах (1 том), Баймагамед Айшуакове (1 книга), Айшуак хане (2 тома), Жанторе хане (3 тома) Жангир хане (4 тома) впервые вошли в золотой фонд отечественной исторической литературы. К сожалению, тома, посвященные султану правителю Каратаю Нуралиеву, Шергазы и Кенесары хану не были закончены.

Необходимо отметить исследования немецкого ученого Андреаса Каплера о вовлечении в государственную службу представителей нерусских народов в контексте проводимой национальной политики Российской империей, исследования казахстанских ученых И. В. Ерофеевой и Г. Султангалиевой [7], касающиеся формирования и деятельности казахских чиновников в Оренбургском ведомстве. В частности, Андреас Каплер задает такие вполне закономерные вопросы «Как реагировали на это подчиняемые прежде всего их элиты? Встречали они экспансию вооруженным сопротивлением или готовностью к сотрудничеству?» и предпринял попытку откорректировать «русоцентрическую оптику» определяющую концепцию истории России [6, с.9].

Г. Султангалиева выявила особенности изучения истории становления казахских чиновников, их послужные формулярные списки, содержащиеся в архивных документах. Служебные формулярные списки в этих архивных документах также свидетельствуют о том, как проводились административные реформы в степи.

Результаты исследования. В ходе введения «Временного положения об управлении Оренбургской и Западно - Сибирской степными областями» от 21 октября 1868 года, направленного на дальнейшее укрепление колониального режима изменилась система административного управления казахской степью, а также известно, что были открыты новые служебные вакансии. Русская имперская система управления казахской степью в качестве основной социальной опоры государственной власти на первом этапе административной политики выбрала представителей традиционной национальной элиты, состоящей из султанов.

Во время этих административных реформ система областного управления была значительно преобразована. С каждым годом увеличивалась количество дел и переписей, которые решались только областным губернатором. Именно в это время были включены «первые помощники» – чиновники по особым поручениям при губернаторе. Поэтому основываясь на документальные источники, хранящиеся в архивах, можно впервые проанализировать основную деятельность, социально-культурный облик чиновников, выполняющих особые задачи при губернаторе, а также их роль в системе региональной административной власти.

В соответствии со штатным расписанием «Временного положения об управлении степными областями Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства» губернатор брал с собой двух чиновников – старшего и младшего. Должность младшего чиновника, назначаемая из представителей казахского народа, соответствовала IX разряду по пошиву на мундир. Однако чаще всего в формулярных списках встречаются подзаголовки, подписанные губернатором «за мое поручение отправлен в уезд». Таким образом Тлеумухамеду Сейдалину было поручено определить обстоятельства, ставшие препятствием при введении в Уральской области нового закона.

Тлеумухамед Сейдалин окончил Неплюевский кадетский корпус в 1855 году и получил звание прапорщика. 26 марта 1856 года были приняты на службу в ведомство областного управления

Оренбургскими киргизами (казахами-К.Е.) [8] в Оренбургскую пограничную комиссию. В целом на основе материалов Неплюевского кадетского корпуса можно увидеть становление казахского чиновника в первой половине XIX века. Например, Альмухамед Сейдалин, как и Чокан Валиханов, был членом Русского географического общества. А его младший брат Тлеумухамед Сейдалин (1837 - 1901 гг.) в послужных списках упоминается как Сейдалин-2 [7]. Далее речь пойдет об этом человеке.

И так, восстание 1869 года в Уральской и Тургайской областях началось против введения «временного положения» об управлении степными областями (21 октября 1868 года) и стало одним из значительных событий отечественной истории, положившим конец национально-освободительным движениям в эпоху присоединения Казахстана к России в XIX в.

Намеченные по реформе коренные изменения в административной, судебной и общественно-духовной сферах, кратное увеличение объемов государственных налогов, ограничение прав мусульманского духовенства, султанов стали причиной схода и недовольства со стороны различных социальных групп. По своему характеру кочевые скотоводы стали движущей силой освободительного восстания против колониализма. Фактически к этой борьбе были привлечены все социальные слои казахского кочевого общества, характерные для национально-освободительной борьбы XIX в. Например, во время восстания 1869 года стало известно имя одного из основателей традиций казахской письменной литературы, внука Жангир хана, переводчика, просветителя Шангерей Сейткереевича Букеева (1847-1920). Шангерей рано вмешался в мелкие гражданские дела судебной власти внутри страны. В совершенстве знал закон шариата, кроме того, непосредственно участвовал в производстве присяжного (гражданского) суда, избираемого русским народом, мирового судьи, рассматривающего гражданские дела. 10 сентября 1917 года, когда в Букеевской Орде состоялось собрание казахской интеллигенции, он был одним из ее организаторов.

В 1869 году 22-летний поэт, который в рассматриваемый нами период стал известен среди населения в конце марта – начале апреля, приехал в Уральскую область и организовал встречу с казахами. На этих встречах разъяснялась суть многих «сомнительных» моментов «Положения», раскрывались многие негативные моменты нового законодательства перед народом. Например, он объяснял казахам, что «Новое положение» вводится для казахов в виде опыта на два года, казахам разрешается продавать землю в своих владениях, а казахам, которые продав землю обеднели невольно приходится выбирать христианство как средство выживания. Такая ситуация сложилась у башкирского народа. Для казахов тоже может настать такой день. Политика, проводимая нынешним правительством, подталкивает к этому» [7].

Мысли Ш. Букеева, понимавшего имперские намерения царского правительства, трудно назвать беспочвенными. Дело в том, что секретным поручением по выяснению ситуации с религией в Оренбурге занимались специальные люди, и в предоставленной ими информации было отмечено, что среди казахов увеличилось количество духовенства из татар и Бухары. Поэтому в планах колониального правительства было запретить изобилие чужеземцев, разрешить продажу земли и найти русского поселенца, который бы выкупил эту землю у казахов [9].

Для реализации вышеуказанных идей, начинают разрабатывать и реализовывать «Новые положения», и как непредубежденный гражданин, поэт Шангерей начинает информировать людей об этом. Таким образом, была четко определена колониальная политика российского правительства. Как раз старания центра по модернизации периферии породили националистические верхушки, смогшие направить действия напротив колонизаторов. На всякую попытку метрополии усилить контроль за своими окраинами они нередко отвечали жестким сопротивлением.

Особое влияние на ход восстания оказала агитационная работа Ш. Букеева. Так, в мартовском рапорте штабс-ротмистра Т. Сейдалина военному губернатору Уральской области в 1869 году были названы такие причины, как: двукратное повышение налогов, назначение русских начальников, а в апреле, после посещения Шангерей Уральской области, вопрос религии вышел на первый план. Сам же Т. Сейдалин в апреле писал, что самая главная и основная причина восстания, по словам лидера и наставника повстанцев Жанмухамеда Рыскулова, «заключается в том, что казахи в религиозном плане испытывают притеснения» [9]. По утверждению Чаттерджи, колониальный национализм есть, прежде всего, культурное движение, основанное на защите местного суверенитета во внутренней или духовной сфере.

Царская власть стремилась не только захватить земли колонизированных народов, но и сохранить ее в духовном подчинении, в зависимости. А это, в свою очередь, привело к волне

восстаний защитников мусульманской религии как одной из ветвей движения сопротивления. Поэтому в последней четверти XIX – начале XX в. национальные движения берут свое начало именно с этого периода. В связи с Февральской революцией, опубликованной в газете «Казак» 15 марта 1917 года, группа интеллигенции во главе с Алиханом Букейхановым, Миржакыпом Дулатовым, в числе 25 представителей Алаш названа имя Ш. Букеева. До научно-теоретической конференции среди литературоведов 1959 года его творчеству осуждалось и его причисляли к приспешникам «богачей-феодалов». Сейчас место поэта в истории казахской литературы должно быть вновь взвешено, а его место в освободительных движениях должны получить соответствующую оценку.

Можно сказать, что Т. Сейдалин, выходец из обедневшей династии султанов, окончивший российские учебные заведения, служивший местной администрации и занимавшийся просвещением, проложил путь приверженцам западного направления развития. Они были привлечены к русской власти, выступали за переход к оседлости, служили в том же направлении. Т. Сейдалин в ходе восстания 1869 г. по специальному заданию, находясь среди казахов, по рапорту показал свои глубокие знания казахского быта.

Итак, отдельно отметим ту знаменательную поездку Т. Сейдалина. Учитывая сложившуюся ситуацию, местная администрация 13 февраля по указанию военного губернатора Уральской области направила ротмистра Т. Сейдалина в Гурьевский уезд. Ему было поручено совместно с начальником этого дома Тверитиновым выполнить следующие действия.

1. Найти и привлечь к ответственности людей, препятствующих внедрению «Нового Правила» в Гурьевском уезде.

2. Выявить причины упорной борьбы против нового закона. Рассмотреть способы введения «Правил» без каких-либо препятствий.

3. Определить в каких именно местах реки Жем можно построить опорные пункты [10].

В докладе Т. Сейдалина после этой поездки (2 марта 1869 г.) раскрываются многие вопросы, связанные с восстанием. К примеру, Т. Сейдалин сообщает, что только после того, как кете, таз, ысык, шеркес и другие племена, зимовавшие в Гурьевском уезде, пришли на летнее Жайляу и встретились с другими представителями родов байулы, жетыру, шкеты, они договорились совместно решать вопросы, нужно ли принимать новый закон, кто должен быть записан в уезд. Также было установлено, что племена Уральских уездов решили не признавать реформу, пока не перекочуют на летнее пастбище. В сложившейся ситуации видно, что организационная комиссия Гурьевского уезда не может выполнить порученное ей дело. Т. Сейдалин, учитывая эти обстоятельства, рассуждает следующим образом: «сейчас все казахи Гурьевского уезда откочевали в направлении реки Уил к своим летним пастбищам. Поэтому работу комиссии по организации остальных Калмыковских, Уилских уездов следует перенести на 1 мая, чтобы организовать работу трех уездов Уральской области» [11].

Т. Сейдалин, получивший русское образование и занимавший пост местной администрации, смотрел на некоторые избирательные права нового закона, вводимого правительством России, как на инструмент, ведущий народ к европейской культуре. Но было ясно, что вместо политики «раскола», которую проводила колониальное правительство, он стремился сохранить традиционные родовые структуры и осуществить их более мирным путем, в соответствии с потребностями и особенностями казахов.

«Если казахи не останутся вдоль реки Жем, а перекочуют в обычные летние пастбища, необходимо созвать съезд тех, кто еще не принял «Новые Положения», у слияния рек Кыыл и Уил, где сходятся все племена», – предложил он. Или нужно провести общее собрание «Ордынцев» на Уилской ярмарке. Для участия в этом съезде или собрании необходимо пригласить старейшин племен и влиятельных биев, по возможности, всех кочевников. На этом съезде следует сделать заявление о «Новом Положении» и разъяснить его основные принципы. После этого казахи, несомненно, смогут определиться со своими взглядами на новый закон. «Только так мы сможем искоренить вредные слухи о «Положении», – сказал ротмистр Т. Сейдалин [12].

Тем временем, казахи, вступившие в открытое противостояние с колониальным правительством, избрали себе «ханов» или «эмиров» и установили через них самостоятельную власть. 27 марта 1869 года Веревкин сообщает Оренбургскому генерал-губернатору: «повстанцы избрали между собой ханов, из рода султан-сыйыков – Бергена Коспанова (в учебниках Беркин Оспанов), алашинцы – Сеила Туркебаева, байулы и шеркесы – Куспая Айбасова, кете и шектинцы –

Мамбетали, табынцы – Каналы Арысланулы [Хангали-К. Е.]. Среди них Айбасов обратился к народу о необходимости формирования армии для защиты пути «Бога и религии» [12]. Также против колониального правительства авторитетный среди населения султан племени байбакты Сақыпкерей Кусапкалиев и би Буркитбай Жездибаев проводили агитацию: «казахов через три года принудят принять христианство, крест на шею повесят, возьмут в солдаты». Побывав на консультации с Т. Сейдалиным, Б. Жездибаев после этого визита организовал совет аксакалов в местечке Ханколь, где было принято решение не принимать новую реформу [13].

Т. Сейдалин, возвращаясь с поездки из Гурьева в Уральск, по пути отправился в организационную комиссию Калмыковского уезда в зимовке казахов недалеко от Каршенского форпоста. Договорившись с начальником уезда Головановым, к трем известным среди повстанцев Шемеш Сутемгенову, Буркитбаю Жездибаеву, Жанмухамбету Рыскулову направили специальное письмо с просьбой явиться в Кандык. Двое других, кроме муллы Ж. Рыскулова, прибыли на место 22 марта. Разговор с Т. Сейдалиным продолжался с 17 часов вечера до 2 часов ночи. В нем долго объяснялось, к какой ответственности будут привлечены за сопротивление царю [13].

Таким образом, в своих отчетах Т. Сейдалин, специально посещавший повстанцев, утверждал, что на основе «Нового Положения» на казахов оказывалось религиозное давление, что вызывало у них гнев и побуждало присоединиться к восстанию. Касательно религиозной проблемы 6 апреля 1869 года начальник края Н. Крыжановский министру внутренних дел доложил следующее: «Трудно точно определить главную причину протестов казахов против «Нового Положения», ходят очень много слухов. Однако, по моим сведениям, в настоящее время, во всем этом (восстании-К.Е.) мусульманское духовенство играет большую роль» [14]. Здесь, как известно, все новости, связанные с вопросами религии, поступают с Оренбургской стороны, со стороны муфтията. Есть основания полагать, что муфтий причастен к тому, что из его подчинения были взяты религиозные дела казахов численностью около миллиона человек. С введением «Положения» Оренбургский муфтий был лишен господства в религиозных делах в казахской степи. А российское правительство со своей стороны осуществило бы неотъемлемую часть своей обычной колониальной политики.

В нижеследующем документе, подписанном «принадлежащими к племени байбакты»: «Алашинцы и байулы все против подчинению неверным, ... вот и решили, что надо отдать земли в вакуф ... Те, кто не последует этому совету, будут наказаны по закону шариата» [15]. Таких данных мы больше не встречаем в ходе других национально-освободительных движений. Данные свидетельствуют о том, какую роль сыграли религиозные идеи и проповедующие их муллы в ходе восстания 1869 года. В целом для этого восстания характерно смешение религиозных и народных идей. Дело в том, что где-то повстанцы избирали среди своих ханов тех, чьи интересы затрагивали новые положение, а в каких-то случаях этих же хановы называли «эмирами».

Местная царская администрация использует влиятельных людей, таких как Т. Сейдалин, для объяснения лживости слухов о «Правилах» и, таким образом пытались их успокоить и образумить. Однако он единодушно выступал за то, чтобы держаться подальше от султанов, таких как Хангали Арысланов, который не был избран на новую должность и призвал народ к восстанию.

Говоря о вышесказанном, мы можем увидеть действия двух султанов, которые выбрали два разных направления в отношении восстания 1869 года, хотя оба из одного социального происхождения. Это говорит о том, что между султанами в казахском обществе в этот период сформировались два разных слоя: одни из них – сторонники необходимости модернизации для развития общества по пути прогресса (здесь через российскую систему власти), другие – представители группы, которые душой против российских внедрений, рассматривают все «новшества» как угрозу традиционному казахскому обществу и национальной идентичности.

Т. Сейдалин, принадлежавший к первой группе, принимал непосредственное участие по внедрению административных реформ 1867-1868 годов среди казахов, выяснял причины текучести между местными властями и казахами, искал выход из этого тупика. Несмотря на свою деятельность в колониальной администрации, преобладала прогрессивная сторона деятельности Т. Сейдалины, вклад в изучение культурно-общественной жизни, этнографии народа. В журнале «Вестник Европы» (1874), в «Записках» Оренбургского отделения Русского географического общества (1875) опубликованы статьи Т. Сейдалины, связанные с казахским фольклором. Известно, что даже подготовил диссертацию на соискание степени кандидата наук («Описание киргиз-кайсацкого быта», СПб 1884). Поэтому нельзя давать однозначную оценку деятельности первых казахских чиновников, вовлеченных в общероссийскую административную деятельность. В то же время речь шла о

формировании казахских чиновников чингизидов, султанов правителями. Данный вопрос изложен на основе деятельности Т. Сейдалина, выполнявшего особые поручения при военном губернаторе Уральской области.

Заключение Именно во время восстания 1869 года, в решающий период национально-освободительного движения в 60-70-е гг. XIX в. стали известны имена пионеров реформаторского движения казахской интеллигенции Шангеря Букеева. Наиболее важным проектом антиколониальной элиты оказывалось строительство такой современной национальной культуры, которая не была бы западной. Такие личности, как Ш. Букеев, стояли в авангарде формирования новой национально-демократической политической элиты в составе Российской империи. Они стояли в авангарде борьбы с имперскими стремлениями России. Это, говоря другими словами, положило начало формированию двух направлений, «национально-религиозного» и «западного», которые развернулись в казахской стране в последней четверти XIX в.

По этой тематике очень много работ специалиста дореволюционной истории Ж.К.Касымбаева, где он очень красочной форме описывая социальный портрет этих султанов, раскрывает суть «антропологии власти». А также интересно его мнение о том, что «ни пурпурные халаты, где накрывали плечи новоиспеченных султанов, ни почетные звания «ел билеуші», ни серебряные и золотые медали, которыми награждали, ни формальное соблюдение древнего обычая избрания ..., ни дворянское звание ... не смогли у наиболее влиятельных представителей родовой аристократии умертвить дух преданности к традициям родовой старины, кочевой вольности» [16, 174 с.]

С классовой точки зрения в советской Казахстанской историографии к султанам как представителям общего господствующего класса относились отрицательно. Однако следует учитывать, что в условиях сложившейся в то время исторической обстановки в Степи, при имперской власти предусматривались взаимные расправы, прекращение барымты, предлагались меры, обеспечивающие стабильное существование казахского общества [17. с. 6].

В середине XIX века появилась группа султанов, которые закончили Кадетский корпус. Этот фактор способствовал присоединению европеизированных офицеров к имперским структурам (процессу инкорпорации). Колониальная модель управления Российской империи повлияла на маргинализацию группы казахской аристократии. А другая группа султанов выбрала другой алгоритм действий с целью сохранения традиционных позиций в казахском обществе.

Таким образом, Российская империя была похожа на империю в том плане, что она осуществляла политическое доминирование над географически обширной территорией и навязывала иерархическую структуру управления.

В русле описанного подхода мы рассматриваем постколониализм в качестве контекстуально наполняемого дискурса, генерируемого реакцией (отторгающей или благожелательной) некогда колонизированных народов на институциональное наследие бывших колонизаторов, а также на нынешние взаимоотношения с ними. Но подобного рода изучение локально порождаемых дискурсов подводит нас к следующей теме, тоже нуждающейся в прояснении: насколько зависит постколониальная теория от наличия местного движения за независимость и местной критики, формирующейся под влиянием жизни в колониальных условиях?

Список использованной литературы:

1. Молдабаев С. С. Отлик на статью президента «Независимость прежде всего». [Электрон. ресурс]. URL: <https://mng.apa.kz/12554-2/> (дата обращения 18.02.2021)
2. Емельянова Н.М. Интеграция казахского населения степных областей Западно-Сибирского генерал-губернаторства в состав Российской империи: автореф. дис. . кандт. ист. наук: 07.00 02 / Емельянова Н.М. - Омск., 2005. С.3
3. Почакаев Р. Ю. Антропология властной коммуникации в российской политике фронтальной модернизации казахской степи и ханств средней азии в XVIII – начале XX В. На правах рукописи. Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Оренбург, 2020
4. Поисковая система для перевода слов в контексте URL: <https://context.reverso.net> (дата обращения 18.02.2021)
5. Быков А. Ю. Российская правительственная политика в степных областях и трансформация традиционного казахского общества (1731 - 1917 гг.): автореф. дис. . докт. ист. наук: 07.00 02 / Л. Ю. Быков. - СПб., 2005.

6. Каппелер Андреас. «Россия - многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги / А. Каппелер. - М.: Прогресс-Традиция, 2000.-344 с. Оригинал. Оригинал: Andreas Kappeler. *Russland als Vielvoerkerreich. Entstehung. Geschichte. Zerfall* . Verlag C.H. Beck, Muenchen 1992. Zweite, durchgesehene Auflage 1993.
7. Ерофеева И.В. Т. Сейдалин – просветитель, этнограф, правовед // Новое поколение. 1993. № 20-21; Султангалиева Г. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX) //URL: <https://www.academia.edu> (дата обращения 02.02.2022)
8. ЦГА РК, Ф.25. Оп.2. Д.764. Личное дело Сейдалина.
9. ГАОО, Ф.6. Оп.10. Д.8239. Л. 90-92.
10. Там же, Л. 128.
11. Там же, Л. 61-63.
12. Там же, Л. 113-115.
13. Там же, Л. 101.
14. Там же, Л. 128-129.
15. Там же, Л. 134.
16. Касымбаев Ж.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения присоединения Казахстана к России, -Алматы, 224 с.
17. Касымбаев Ж.К. Генерал, султан-правитель Баймухамед Айшуаков. Алматы, 2000. – 188 с.

References:

1. Moldabaev S. S. Response to the President's article "Independence first of all". [Electron.resource]. URL: <https://mng.apa.kz/12554-2> / (accessed 02/18/2021)
2. Emelyanova N.M. Integration of the Kazakh population of the steppe regions of the West Siberian Governorate-General into the Russian Empire: abstract. dis. . Candidate of Historical Sciences: 07.00 02 / Emelyanova N.M. - Omsk., 2005. p.3
3. Pochekaev R. Yu. Anthropology of power communication in the Russian policy of frontier modernization of the Kazakh steppe and khanates of Central Asia in the XVIII – early XX Century. On the rights of the manuscript. Specialty 07.00.02 – Russian history. Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Orenburg, 2020
4. Search engine for translating words in the context of URL:<https://context.reverso.net> (accessed 18.02.2021)
5. Bykov A. Yu. Russian government policy in the steppe regions and the transformation of the traditional Kazakh society (1731 - 1917): abstract. . Doctor of Historical Sciences: 07.00 02 / L. Y. Bykov. - St. Petersburg, 2005.
6. Andreas Kappeler. "Russia is a multinational empire": some reflections eight years after the publication of the book / A. Kappeler. - М.: Progress-Tradition, 2000.-344 p. The original. Original: Andreas Kappeler. *Russland als Vielvoerkerreich. Entstehung. Geschichte. Zerfall* . Verlag S.N. Beck, Muenchen 1992. Zweite, durchgesehene Auflage 1993.
7. Erofeeva I. V. T. Seidalin – educator, ethnographer, jurist // New generation. 1993. No. 20-21; Sultangalieva G. Kazakh officialdom of the Orenburg department: formation and direction of activity (XIX) //URL: <https://www.academia.edu> (accessed 02.02.2022)
8. Central State Administration of the Republic of Kazakhstan, F.25. Op.2. D.764. Seidalin's personal file.
9. ГАОО, Ф.6. Оп.10. Д.8239. Л. 90-92.
10. Ibid., L. 128.
11. Ibid., L. 61-63.
12. Ibid., L. 113-115.
13. Ibid., L. 101.
14. Ibid., L. 128-129.
15. There the same, L. 134.
16. Kasymbayev Zh.K. Problems of methodology, historiography and source studies of Kazakhstan's accession to Russia, -Almaty, 224 p.
17. Kasymbayev Zh.K. General, Sultan-ruler Baymukhamed Aishuakov. Almaty, 2000. – 188 p.